

УДК 297"15"

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.171>

Особенности семейно-брачных отношений в позднесредневековом суфизме

Л. Э. Исмоилов*

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается вопрос об институте семьи и семейно-брачных отношений в позднесредневековом суфизме Мавераннахра на материале многочисленных позднесредневековых нарративных источников, в частности, в житиях мусульманских святых (*манакибах*) XVI в. Выявляется, что в отличие от раннего суфизма, где суфии-аскеты нередко пренебрегали семейными узами в позднесредневековый период, несмотря на относительное преобладание аскетизма, все-таки в большинстве случаев семейные узы стали играть важную роль в жизни суфиев. Отмечается, что в этот период передача суфийского наследия (материального и духовного) происходит внутри конкретного, замкнутого суфийского рода или клана, где часто путём заключения брачных союзов цементируется суфийское сообщество, которое оказывало влияние на социальные, экономические и политические процессы общества и государства. По материалам *манакибов* делается вывод, что в суфизме семья нередко выступала как сакральное образование и естественный носитель суфийских традиций.

Ключевые слова: суфизм, семья, позднесредневековый, Мавераннахр, *манакиб*, женщина.

Для цитирования: Исмоилов Л. Э. Особенности семейно-брачных отношений в позднесредневековом суфизме // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 47. С. 171–178. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.171>

Original article

Features of Family and Marriage Relations in Late Medieval Transoxiana (Maverannahr) Sufism

L. E. Ismoilov*

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract. The article highlights the issue of the institution of the family and family and marriage relations in the late medieval Transoxiana (Maverannahr) narrative sources in the Lives of Muslim saints (*manakibs*) of the 16th century. In the late medieval period, despite the relative predominance of asceticism, in most cases, family ties began to play an important role in the life of the Sufis. However, strict adherence to the family spiritual heritage was not always respected by successors. Due to the peculiarities of the perception of life by Sufis, the death of one of the children of a Sufi could be perceived as an insignificant event, especially if the deceased during his lifetime did not show much zeal for Sufi ideals. During this period, polygamy spread among the Sufis, so there could be many heirs claiming some part of the spiritual or material heritage of the sheikh. Many women associated physically or spiritually with Sufi circles dedicate their lives to sincere service to the ideals of Sufism. On the other hand, women, especially young ones, are the most vulnerable group of society,

including among the Sufis. They could easily become the subject of an offering (*niyyaz*) to some famous Sufi sheikh, regardless of the age of the latter. Often such "live gifts" sadly ended their lives. Judging by the *manakibs* that have come down to us, some famous Sufis made obscene remarks about women. These statements in the context of the moral atmosphere of that time were perceived as ordinary and did not cause any condemnation.

Keywords: Sufism, family, Late Medieval, Transoxiana, Maverannahr, *manakib*, woman.

For citation: Ismoilov L. E. Features of Family and Marriage Relations in Late Medieval Transoxiana (Maverannahr) Sufism. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2024, vol. 47, pp. 171-178. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2024.47.171> (in Russian)

Как свидетельствуют позднесредневековые персоязычные письменные памятники разнообразного литературного жанра (в частности, жития мусульманских святых (*манакиб*), посвящённые известным суфийским лидерам позднесредневекового Мавераннахра), женщины были самыми социально уязвимыми субъектами общества. Примечательно, что отголоски этого явления в некоторой степени до сих пор ощущаются в современных мусульманских обществах. Несомненно, семья в то время была местом разных социальных, гендерных и иных ограничений и притеснений. Допустим, многие женщины, независимо от возраста (средневековое понимание возраста существенно отличалось от подлинно природно-физического возраста), страдали от всеобщей подозрительности и ревности. В частности, ревность была одним из худших пороков в мавераннахрском обществе, из-за неё гибли невинные люди.

Хотя законы ислама в отношении женщин исполнялись со всей строгостью, нередко эти законы нарушались самими мусульманскими священнослужителями, независимо от религиозного ранга. Судя по сведениям таджикского автора Зайн ад-Дина Восифи (ум. в 1566 г.), в Ташкенте в эпоху правления шейбанида Кельди Мухаммада (ум. в 1532 г.) группа придворных мулл и «просвещённых» во главе с самим шейх-уль-исламом Ташкента под прикрытием правил мусульманской юриспруденции организовала непристойную потеху над наивной и темной женщиной, полное описание которой для восприятия современного читателя кажется слишком вызывающим, хотя для нравов той поры это было обычным делом [1, с. 297–298].

В мусульманских агиографических произведениях часто встречаются интересные сведения об особенностях семейной жизни суфиев, рассказы о которой покажутся современному читателю грубыми и вульгарными, хотя еще раз отметим, что для мировосприятия человека той эпохи они были вполне приемлемыми. Некоторые сюжеты о семейной жизни средневековых людей, встречающиеся в житийных сочинениях, прямо противоречат современным элементарным нормам исламской этики и брачно-семейного кодекса, но тем не менее они полностью вписываются в традиционные представления той эпохи. В этом контексте некоторые фрагменты жития мусульманского святого пестрят грубыми и непристойными рассказами о интимной жизни. К примеру, такие моменты встречаются в агиографическом сочинении под названием «*Сиродж-ус-соликин ва латоиф-ул-орифин*» («Светоч шествующим по пути к истине и тонкие выражения познавших её»), посвященном известному *накибандийскому шейху* Мавлана Лутфулло Чусти (ум. в 1573 г.). Здесь в суждениях автора *манакиба* о непристойных вещах отсут-

ствует понятие греха. В этом сочинении читатель находит рассуждения Мавлана Лутфулло Чусты об особенностях интимной жизни и его советы в этой области, содержание которых покажутся современному человеку чересчур грубыми и непристойными. В одном из эпизодов Мавлана (*хамчунон наклест, ки яке аз мухибони Мавлоно ду зан дошта*) дает совет своему ученику, как (ученику) насладиться интимными отношениями¹. Но при этом в *манакибах* отсутствует грубая интимная лексика.

Как видно по содержанию житийного произведения, нравы того периода позволяли свободно обсуждать такие темы, которые в современном исламском обществе находятся под социальным запретом. Примечательно, что современное мусульманское общество, которое в последние десятилетия больше ориентируется на однозначность, нежели на многозначность, считает средневековую интимную традицию извращением и отвергает её. Факт остаётся фактом, что семейные нравы и ценности того периода были совсем иными, чем их представляет современный человек [2, с. 28–34].

Современного читателя могут шокировать откровенные разговоры на эту тему. Однако автор *манакиба* спокойным тоном рассуждает о различных интимных вопросах и понятиях, и он уверен, что не нарушает никаких религиозных норм. Общество тогда нормально относилось к таким интимным вопросам, основываясь на собственные культурные критерии, которые со временем изменились. В целом эти житийные эпизоды отражают культуру интимной жизни, присущую мусульманскому обществу XVI в. Известно, что вплоть до XIX в. в мусульманском мире процветала живая интимная культура. Интересно, что эротические произведения сочинялись также и знатоками Корана, и они в настоящее время хранятся в крупных рукописных фондах. В данном контексте любопытный пример приводит М. Л. Рейснер. Она пишет, что в некоторых списках *Куллиятата* известного персидского поэта Саади (ум. в 1292 г.) встречаются стихи порнографического характера (жанр *ха-босат*/мерзость). Хотя авторство поэта большинством исследователей оспаривается, но этот факт в целом рисует общую картину нравов средневекового мусульманского общества, которая сохранила основные свои черты на протяжении многих последующих веков [4, с. 158–159].

В исследуемых нами житиях мусульманских святых (*манакибах*) часто затрагивается семейная жизнь известных суфиев. Хотя по неписанным правилам *тасаввуфа* суфии должны по мере возможности избегать семейной жизни, ибо, если суфий женится, он должен материально обеспечивать семью – в итоге у суфия может возникнуть привязанность к этому миру. Наличие семьи у строгого суфия может показаться несколько странным. Однако для исследуемого периода женитьба для большинства суфиев была обычным явлением.

При исследовании этой темы мы опирались на сведения *манакибов*, созданных в позднесредневековом Мавераннахре и посвященных известным лидерам различных суфийских братств. В частности, в одном житийном рассказе, содержащемся в *манакибе* «*Ламахат мин нафахат ул-кудс*» («Отблес-

¹ Убайдулла Накшбанди Самарканди. Сиродж-ус-соликин ва латоиф-ул-орифин, рук. (инв. № 113), Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ. Л. 209 а, б.

ки от дуновения святости»)², рассказывается, что однажды *джахритскому* шейху Джамал ад-Дину Азизону (ум. в 1513 г.) в качестве подношения (*ниййаз*) привезли девушку. Такое подношение (в виде женского тела) в те времена, с некоторыми оговорками, было вполне приемлемым явлением в обществе. Из этого примера можно составить представление о правах женщин в ту эпоху и о привычных для того времени нравах. Женщины всегда становились первыми жертвами такого положения вещей. Вышеуказанный пример показывает заодно, что суфии были не равнодушными к женщинам. Как свидетельствуют факты из истории мавераннахрского суфизма, известным суфиям нередко преподносили рабыню (допустим из Китая) в качестве наложницы, интересно, что суфии особо не скрывали свои эмоции. Стоит заметить, что подобная практика в виде преподношения молодой женщины в качестве *ниййаз* (подношения) известным религиозным деятелям продолжалась в Средней Азии вплоть до установления советской власти.

В вышеуказанном сюжете «живой товар» выступает в качестве подношения. Это и есть взгляд религиозного человека той эпохи на женщину. Последняя была лишена жизненного выбора. Правда, из житийного рассказа не вполне ясно, понимается ли под «живым товаром» рабыня или свободная женщина, используется ли она в качестве наложницы или предусматривается заключение законного брака. Однако само дальнейшее развитие сюжета проливает свет на этот вопрос. И далее из данного сюжета вытекает, что вышеуказанный шейх передал её своему ученику Худойдоду Азизону (известный *джахритский* шейх, ум. в 1534 г.). После встречи с шейхом Худойдодом первое впечатление у юной особы было негативным, по принципу «встречают по одежде». Увидев неопрятную одежду (*чомахо-и фартут*) на суфии и его непривлекательность, она отвернулась от него. Кроме того, вероятно, возрастные отличия между ними были велики. Автор *манакиба* пишет, что из-за своего плохого поведения и неуважительного отношения к суфийскому шейху, она на всю жизнь осталась старой девой.

Стоит заметить, что в некоторых суфийских обществах суфийские шейхи мало вмешивались в повседневные житейские дела и почти не принимали по ним решений. Поэтому их приближенные (*хосон*) о желаниях своего шейха могли лишь догадываться и старались их «исполнить» на опережение по мере возможностей, например предложить шейху в качестве *ниййаз* девушку и т. д.

Биограф *джахритского* шейха Худойдод Азизона мало рассказывает о его семейной жизни. Собственно, в письменных источниках того периода содержатся незначительные сведения о брачной жизни людей в целом и суфиев в частности. Возможно, из-за присущей шейху Худойдоду Азизону психической неуравновешенности, раздражительности и специфического образа жизни у него отсутствовало горячее пристрастие к семье. Особенностью жизни многих суфиев было безмерное милосердие к посторонним людям и полное равнодушие к своим близким, к собственным родным. В истории суфизма нередко бывали и случаи, когда дети какого-то суфия жили в полной нищете [6, с. 169]. В этом контексте известная исследовательница

² Автором сочинения является Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Сочинение написано в 1622 г. в Самарканде и посвящено жизнеописанию шейхов братства *джахрийа-азийийа*.

суфизма Аннемари Шиммель отмечает, что некоторые аулия относились к смерти своих детей с полным безразличием. Многие мистики не жалели их, когда те умирали. Если аскет радовался смерти своих детей, то значит причина была в том, что дети выбрали мирской образ жизни, а некоторые даже предавались пьянству [7, с. 269].

Враждебное отношение суфия к «невежественному миру» затрагивает и собственную семью суфия, если члены семьи оказываются заподозрены в неподобающем воззрении на ислам. Существует рассказ о том, что известный суфий Фудайл ибн Ийад (ум. в 803 г.) обрадовался по-настоящему, когда умер его сын. Он воспринял эту трагедию как знак божественного благоволения, означающий, что Бог желает облегчить его участь в грядущей жизни. Даже его сподвижники восприняли его радость как неуместную и отталкивающую [3, с. 29]. В этом контексте стоит вспомнить рассказ Джалал ад-Дина Руми об аскете, который в годы голода был рад и весел, несмотря на нищету домочадцев; люди умирали от голода, а его спросили: «Что за время для веселья, ведь эта пора для сотни трауров?» Он ответил: «На мне нет никакого груза» [5, с. 278–280].

Далее автор *манакиба* рассказывает, что у шейха Худойдода Азизона был сын по имени Солех. Когда последнему было шестнадцать лет, его женили. Однако, по всей вероятности, у сына были другие интересы в жизни, и он не пошёл по стопам отца. Кроме того, как явствует из житийного текста, распутный сын развёлся с женой и это привело шейха в ярость. Здесь в этом житийном сюжете речь идёт о традиции раннего брака несовершеннолетних в определенных социальных кругах. Известно, что ислам разрешает ранний брак среди несовершеннолетних, несмотря на то что юноша и девушка на тот момент ещё не достигли умственной и физической зрелости. Этот обычай практикуется повсеместно во время всеобщего экономического и политического кризиса опять-таки из-за уязвимости женщин. В сложные периоды общественно-экономической жизни ранний брак для девушки был единственным способом спастись от проблем.

Автор *манакиба* в этом эпизоде показывает другое лицо этого любопытного агиографического персонажа (шейха Худойдода Азизона) и таким образом раскрывает самые потаённые черты его характера. Шейх проклинает собственного сына, и спустя некоторое время тот умирает. Это был не бытовой конфликт между отцом и сыном, он был вызван религиозной подоплекой. Смерть сына и его похороны прошли тихо и незаметно как частное событие, ибо речь не шла о духовном наследнике шейха.

От этого недолговечного брака у покойного осталась трёхлетняя дочь Солеха Биби. Рассказывают, что шейх обращался с ней грубо и жестоко. Вскоре она также умерла, но её смерть была таинственной³.

Другой сын шейха Худойдода Азизона по имени Тохир Мухаммад-шейх пошёл по стопам отца и стал его заместителем (*коиммаком*). Дочь шейха Худойдода, Биби Хадия, выбрала себе праведный путь и пошла по стопам отца. Она отличалась высокими моральными качествами. Многие

³ Мухаммад Алим ас-Сиддики ал-Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс, рук. (инв. №1629) // Национальная библиотека Таджикистана. Л. 185а.

влиятельные семьи просили его дочь в жёны, но шейх по традиции выдал её за своего ученика (*юрйда*) Амир Шаха, одного из потомков Амира Кулала (известный бухарский суфийский шейх, ум. в 1370 г.). Брак с представителем суфийских кругов считался более богоугодным. В те времена браки обычно заключались сугубо по материальным или иным соображениям, а не по любви. Судя по сведениям *манакибов*, в большинстве случаев браки заключались в основном между членами суфийского сообщества, и нередко новые родственники назначались в качестве руководителей или опекунов (*мутава-ли*) различных культовых, учебных или хозяйственных учреждений. И любопытно, что при благоприятных обстоятельствах эти учреждения постепенно превращались в важное экономическое звено в жизни страны.

Стоит также отметить, что несмотря на угнетённое состояние женщины в то время в мусульманском обществе, разрозненные сведения *манакибов* также свидетельствуют об активной роли женщин в суфизме. Известный исследователь суфизма Аннемари Шиммель в этой связи пишет, что заслуживает изучения роль матери в биографиях суфиев. Многие религиозные руководители признавали, что получали от матерей не только первые познания о религии, но и предварительную подготовку к мистическому пути. Женщины вносили весомый вклад в духовное формирование будущих *аулийа*. Первой истинной святой ислама была Рабиа аль-Адавийя (ум. в 801 г.), которая способствовала формированию образа идеальной благочестивой женщины [7, с. 333–337].

Праведный образ матери встречается и в многих мусульманских агиографических сочинениях. В *манакибе* «*Са'адия*» («Посвящение Ходже Са'аду Джуйбари»), посвященном бухарским *накибандийским* шейхам рода Джуйбари, рассказывается, что известный бухарский *накибандийский* шейх Ходжа Мухаммад Ислам (ум. в 1563 г.) каждое утро, прежде чем приступить к молитве, оказывал подобающее уважение своей матери и только потом совершал молитву. Он (если верить словам биографа) не скрывает глубокого уважения и сыновней любви к матери, описание чего занимает довольно большое место в *манакибе*. Радость матери была и его радостью. При этом его биограф, как и подобает канонам агиографии, сравнивает их отношения с жизнью пророка Мусы (Моисея) и его матери⁴.

В *манакибах* особо подчёркивается роль женщин, финансировавших деятельность суфиев. Благочестивые и состоятельные женщины именно в этой области находили выход своей энергии и могли сделать много добрых дел, служа обществу, в частности основывая *ханаки* и пр. В житийном произведении «*Джодат-ул-ошикин*» («Широкая дорога любящих истину»), написанном в 1566 г. и посвященном жизнеописанию лидеру *кубравийского* братства шейха Хусейна Хорезми (ум. в 1551 г.), рассказывается о Мехрубонханум, жене Тимура Султана б. Шейбани-хана⁵. Она была благочестивой и образованной женщиной и делала много пожертвований для студентов медресе (например, в виде мыла, свечей, кошмы, баранов и пр.). По её приказу

⁴ Хусейн Серахси. Са'адия, рук. (инв. № 109), Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша, АН РТ. Л. 107а.

⁵ Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Джодат-ул-ошикин, рук. (инв. № 1838) // Национальная библиотека Таджикистана. Л. 136а.

были отремонтированы многие медресе Самарканда. Эта женщина не только заботливо относилась к научной среде, но и сама постоянно изучала теологические науки и была знакома с обширной литературой в этой области.

В заключение можно сказать следующее. Как свидетельствуют материалы *манакибов*, в истории суфизма нередко семья выступает как сакральное образование и как естественный носитель суфийских традиций. Стоит заметить, что в зависимости от отношения шейха к семейной жизни, существовали различия и в правилах передачи его *барака* (*святость, благословение*), а также в передаче разных хозяйственных полномочий своим отпрыскам. В некоторых братствах существовала традиция: несмотря на то что здравствующий шейх имел сыновей, он обычно избирал своим духовным преемником наиболее подготовленного и подходящего ученика, и таким образом передавалась его *барака* [2, с. 32].

Религиозно-духовная преемственность в суфийских семьях не всегда соблюдалась. В частности, известно, что сыновья Ходжаги Ахмада Косони (известный мавераннахрский суфийский лидер, ум. в 1542 г.) тоже выбрали суфийский путь и пошли по стопам отца, правда, с конфликтами и враждой между собой. Такой же неутраченный семейный конфликт существовал между сыновьями другого известного мавераннахрского суфия Ходжа Ахра-ра Вали (ум. в 1490 г.).

В некоторых житийных сочинениях рассматриваемого периода существуют многочисленные примеры, где представители известных суфийских родов занимали противоположную позицию по отношению к суфийским идеалам и принципам. Автор житийного произведения «*Джодат-ул-ошикин*» («Широкая дорога любящих истину») рассказывает, что некий Тимур-ходжа из Мерва⁶, потомок известного суфийского рода Сайида Ата, всегда посещал суфийские *меджлисы*, соблюдал некоторые суфийские правила, но одновременно был большим любителем вина. Однажды в Бухаре он, будучи пьяным и почти голым, шёл из бухарского квартала Чахорсу до квартала Саррофон, не обращая внимания на прохожих. В ту эпоху такие нежелательные антисоциальные поступки представителей известного суфийского рода не одобрялись обществом. По свидетельству таджикского автора Зайн ад-Дина Восифи (ум. в 1566 г.), такое явление было свойственно и для гератской городской жизни. Вероятно, много детей зажиточных горожан было среди бесшабашных гуляк, пьяниц, игроков и мошенников, которыми кишел Герат и другие большие города. К ним примыкали и так называемые шейхские дети (*шайхзодагон*), которые тоже отличались бесчинствами и массовыми драками [1, с. 267]. Религиозно-суфийская принадлежность просто так не передавалась от родителей к детям. Некоторые представители суфийских семейств строго не отождествляли себя с суфийским учением, были случаи несоблюдения религиозных правил. Кроме того, стоит отметить, что в суфийской практике очевидны и различия поколений: в некоторых известных суфийских семьях более молодое поколение (*шайхзодагон*) проявляло низкий уровень религиозности и преемственности суфийским идеалам и ценностям, нежели старшее поколение.

⁶ Шариф ад-дин Хусейн Хорезми. Указ. соч. Л. 68а.

Список литературы

1. *Болдырев А. Н.* Зайниддин Восифи. Таджикский писатель XVI века (опыт творческой биографии). Душанбе : Адиб, 1989. 464 с.
2. *Исмоилов Л. Э.* Состояние нравов в эпохе падения государства Тимуридов // Ученые записки Худжандского государственного университета имени академика Б. Гафурова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 2. С. 28–34.
3. *Кныш А. Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. СПб. : Диля, 2004. 464 с.
4. *Рейснер М. Л.* Персидская религиозно-мистическая поэзия XI–XV вв. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2015. 224 с.
5. *Руми Джалал ад-Дин Мухаммад.* Маснави-йи ма’нави (Поэма о скрытом смысле). Четвёртый дафтар. СПб. : Петербургское Востоковедение, 2010. 496 с.
6. *Суворова А. А.* Мусульманские святые Южной Азии XI–XV вв. М. : Изд-во ИВ РАН, 1999. 280 с.
7. *Шimmel А.* Мир исламского мистицизма. М. : Алетея-Энигма, 2000. 416 с.

References

1. Boldyrev A.N. *Zayniddin Vosifi. Tadzhikskiy pisatel 16th veka (opyt tvorcheskoy biografii)* [Zainiddin Vosifi. Tajik Writer of the 16 century (an Experience of a Creative Biography)]. Dushanbe, Adib Publ., 1989. 464 p. (in Russian)
2. Ismoilov L.E. *Sostoyanie nravov v epokhe padeniya gosudarstva Timuridov* [The State of Morals in the Era of the Fall of the Timurid]. *State. Scientific Notes of the Khujand State University Named after Academician B. Gafurov. Series Humanities*, 2019, no. 2, pp. 28–34. (in Russian)
3. Knysh A.D. *Musulmanskiy mistitsizm: kratkaya istoriya* [Islamic Mysticism: A Short History]. Saint Petersburg, Dilya Publ., 2004. 464 p. (in Russian)
4. Reisner M.L. *Persidskaya religiozno-misticheskaya poeziya XI–XV vv.* [Persian Religious and Mystical Poetry of the 9–15 Centuries]. Kazan, Kazan University Press, 2015, 224 p (in Russian)
5. Rumi Dzhahal ad-Din Muhammad. *Poema o skrytom smysle. Chetvertyi daftar* [Masnavi-ji ma’navi (A poem about the hidden meaning). The fourth Daftar]. Saint Petersburg, Peterburg Oriental Studies Publ., 2010, 496 p. (in Russian).
6. Suvorova A.A. *Musulmanskie svyatye Yuzhnoy Azii XI–XV vv.* [Muslim Saints of South Asia in 11th–15th centuries]. Moscow, Publishing House of IOS RAS, 1999, 280 p. (in Russian)
7. Schimmel A. *Mir islamskogo mistitsizma* [Mystical Dimensions of Islam]. Moscow, Aleteya-Enigma Publ., 2000. 416 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Исмоилов Лутфулло Эшонovich
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра востоковедения, африканистики и
исламоведения, Институт международных
отношений
Казанский (Приволжский) федеральный
университет
Российская Федерация, 420008, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18
e-mail: ismoilov-62@mail.ru
ORCID 0000-0001-8675-349X

Information about the author

Ismoilov Lutfullo Eshonovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Oriental, African and
Islamic Studies, Institute of International
Relations
Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlyovskaya st., Kazan, 420008,
Russian Federation
e-mail: ismoilov-62@mail.ru
ORCID 0000-0001-8675-349X

Статья поступила в редакцию **01.09.2023**; одобрена после рецензирования **14.10.2023**; принята к публикации **26.02.2024**
The article was submitted **September, 01, 2023**; approved after reviewing **October, 14, 2023**; accepted for publication **February, 26, 2024**